

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. Г. Краснодембская

СИНГАЛЬСКИЙ ЦАРЬ ПАНДУКАБХАЯ — ПРООБРАЗ КРИШНЫ?

[к вопросу о ранней этнической истории
народов Южной Азии]

Легенда о царе Пандукабхае, как она записана в буддийской палийской хронике «Махавансе», относится к ранней истории сингалов, к тому интересному, однако, темному, даже загадочному периоду, когда их предки (выходцы из Северной Индии и, как принято считать, индо-арийского корня) начинали заселять о-ов Ланку.

Пандукабхая — четвертый царь славного Львиного рода, которому принадлежал Виджая, легендарный прародитель сингалов¹, ныне основного населения Шри Ланки. До сих пор полагают, что волна миграции, связанная с его именем, имела место примерно в середине I тысячелетия до н. э. Первым подлинным фактом, дающим основание для надежных датировок в ранней сингальской истории, является «синхронизм» Ашоки, индийского царя, правившего во второй половине III в. до н. э.² и способствовавшего распространению буддизма в разных странах, в том числе и на Ланке. Миссионеры от Ашоки прибыли сюда, по свидетельству ланкийских хроник, в пору правления сингальского царя Тиссы (впоследствии принявшего титул Деванампия — «возлюбленный богами», принадлежавший и самому Ашоке). Имеющаяся в хрониках датировка более раннего периода ланкийской истории относительно парнированы Будды (483 или 486 г. до н. э.) вызывает большие сомнения. Поэтому, например, ланкийский историк К. М. Де Сильва в своей хронологической таблице ранней истории острова оставляет пробелы в датировке царствований от Виджайи до Мутасивы, отца Деванампии Тиссы, и обозначает лишь время правления последнего (250—210 гг. до н. э.)³, пропуская затем даты шести царствований — от Уттин, младшего брата Деванампии Тиссы, до Эллары. Следующий «датируемый» царь у него — только Дуттхагамани, или Дутугамуну (161—137 гг. до н. э.). Пропуски дат приходятся на периоды, наиболее сомнительные исторически, хотя известна их внутренняя, относительная датировка. Она приводится, например, В. Гайгером в его переводе «Махавансы»⁴:

Виджая — 483—445 гг. до н. э.

Межцарствие — 445—444 гг.

Пандувасудева — 444—414 гг.

¹ От *синха* — «лев».

² Об этом свидетельствует индийская история, в частности эпиграфика.

³ Silva K. M. De. A History of Sri Lanka. London; Berkeley; Los Angeles, 1981. P. 565 et al.

⁴ The Mahavamsa or the Great Chronicle of Ceylon. Translated into English by Wilhelm Geiger. Colombo, 1960 (reprint). P. XXXVI—XXXVII.

Абхая — 414—394 гг.
Межцарствие — 394—377 гг.
Пандукабхая — 377—307 гг.
Мутасива — 307—247 гг.
Деванампия Тисса — 247—207 гг. до н. э.⁵

Ланкийские палийские хроники — это прежде всего «Дипаванса» («Хроника Острова») и «Махаванса» («Великая Хроника»), написание которых, как ныне признано, относится к IV и V вв. н. э. соответственно. Таким образом, они составлены в период, достаточно удаленный по времени от событий начальной истории сигналов, если даже считать их датировки точными. Эти труды, очевидно, опирались на какую-то местную историческую традицию и базировались на сочинениях, не дошедших до нашего времени. Возможно, это были какие-нибудь ранее существовавшие хроники, но также и царские родословные, и «книги добрых деяний», хранившиеся при царских дворах⁶. «Дипаванса» излагает примерно те же события, которые описываются и в «Махавансе», но более сжато, с малыми подробностями. Оба сочинения — сугубо тенденциозные, так как в них описывается не просто история страны или государства, но преимущественно история буддийского учения на острове. И все деяния царей (а смена царствований является как бы канвой всего повествования) трактуются прежде всего с точки зрения их значимости в истории популяризации буддизма. Реально буддийское учение утвердилось на острове, как убеждает материал хроник, лишь в правление Деванампии Тиссы (хотя, возможно, проникновение его на Ланку началось раньше). Таким образом, для всего предшествующего периода сингальской истории «привязка» к буддизму фактически весьма условна. Повествование о судьбе буддизма на острове начинается лишь с главы XI — «Посвящение Деванампии Тиссы». Таким образом, разделы, относящиеся к добуддийской сингальской истории, являются как бы второстепенными в свете общей задачи труда, что допускает большую свободу домысла для автора-буддиста. Вероятно, знания об этом периоде были более скудными и приблизительными, чем о позднейших периодах, связанных с буддизмом, и поэтому более бережно хранимых в буддийской исторической традиции, в памяти буддийских ученых.

При первом знакомстве с текстом (что обычно признается и западными и ланкийскими учеными), очевидно, что период сингальской истории от Виджай до Пандукабхай в изложении упомянутых хроник легендарен. И тем не менее ланкийские хроники — это и едва ли не единственный источник наших знаний о ранней истории Ланки, ее народа, о связях острова с древней Индией, и уникальный памятник своеобразной исторической науки, равного которому нет в регионе Южной Азии. Однако он требует особого подхода, специфического способа прочтения содержащейся в нем информации. В статье и предпринята одна из попыток такого рода.

Мы решили рассмотреть как некое сочинение пять глав «Махавансы» — с VI по X, в которых излагается история сигналов от Виджай до Пандукабхай. Содержащуюся в них цепь фактов представим здесь в несколько сокращенном (и слегка «спрямленном») виде: ...От брака царя Ванги с царевной Калинги родилась дочь, отличавшаяся своенравным характером и пылкостью чувств. По прихоти своих желаний она отправилась в путешествие, присоединившись к каравану купцов. В дороге на караван напал лев, и все разбежались, кроме любившей приключения царевны. Однако лев не причинил ей вреда, а напротив, почувствовал прилив нежности и смирно подошел к ней. Она безбоязненно дотрону-

⁵ Расхождение с датировкой К. М. Де Сильвы происходит из-за того, что В. Гайгер относит начало буддийского летоисчисления к 483 г. до н. э., а ланкийский историк — к 486 г. до н. э.

⁶ Perera F. The Early Buddhist Historiography of Ceylon//Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Georg-August Universität zu Göttingen. Göttingen, 1979. P. 56 et al.

лась до зверя, и острое любовное чувство пронзило его⁷. Тут лев подхватил царевну, посадил себе на спину и умчал в свою пещеру. Так царевна стала женой царя зверей (что, кстати, и было предсказано ей при рождении). От этого брака родились близнецы: дочь и сын, у которого вместо рук и ног были львиные лапы. Когда детям исполнилось шестнадцать лет, они вместе с матерью бежали из пещеры, в которой лев держал их взаперти, и направились в Вангу. На границе царства им встретился один из военачальников царя Ванги, приходившийся, как выяснилось, кросскузенном (браки между кросскузенами разрешались) бывшей жене царя лесов. Он был покорен красотой родственницы, увез ее в столицу Ванги и там женился на ней. Тем временем оставшийся в одиночестве лев рыскал по лесам и деревьям в поисках пропавших жены и детей и навел ужас на жителей. Сын его, соблазненный большой наградой (три тысячи денежных единиц), решил принять участие в охоте на льва, и тогда царь Ванги (т. е. дед юноши) пообещал ему в случае успеха отдать все царство. Охота увенчалась победой надо львом, но царевич Львиная Рука уступил царство своему дяде, мужу матери (кстати, дед его к этому времени уже умер). Сам же Львиная Рука вернулся в тот лес, где родился, и основал там город Сихапура (Львиный Город), а вокруг, в лесу, на сотни йоджан⁸ — множество деревень: так образовалось царство Лала (Lāla), где он стал править вместе со своей сестрой, женившись на ней. У этой пары родилось шестнадцать пар близнецов, все — сыновья, и старшего из них, ставшего затем наследником трона, звали Виджая (Победоносный), а второго — Сумитта (Добрый Друг).

Однако юный наследник трона любил «пошалить» и своими выходками в компании с 700 приятелями причинял массу беспокойства подданным. Львиная Рука вынужден был изгнать его из своего царства. Виджаю и его товарищей посадили на корабль и пустили к морю. После долгих скитаний друзья прибыли на Ланку. «Царевич Виджая, храбрец, пристал, — сказано в хронике, — к берегу Ланки, в том краю, что называется Тамбапани, в тот день, когда Татхагата⁹ возлежал между двумя подобными близнецам деревьями сала, готовясь перейти в нирвану». Так начинается писанная история сингалов на острове.

На берегу, который обрадовал их безлюдьем и, значит, отсутствием опасностей, Виджая и его спутники встретились с демоницами-яккхнини: первой вышла им навстречу демоница-служанка в облике собаки, увлекла за собой одного из спутников Виджайи (тот подумал, что присутствие собаки говорит о близости деревни) и привела к своей госпоже — демонице Куванне, которая сидела под деревом и прядла, словно благочестивая отшельница. Своим волшебством Куванна заманила всю «свиту» Виджайи, а затем явился и он сам. Между ним и демоницей происходил стычка, закончившаяся миром. После этого Куванна, демонстрируя свою покорность, возвращает Виджае людей, обещает добыть ему царство, разделить с ним ложе. Она снабжает Виджаю и спутников провизией, награбленной у проезжих купцов. На общую трапезу Виджая приглашает и демоницу, протягивая ей, как сказано в хронике, «первый кусок»¹⁰. Весьма польщенная, демоница принимает ради царевича Виджайи облик прелестной шестнадцатилетней (!) девушки, нарядно одетой и украшенной драгоценностями. Демоница исполнила все свои обещания: Виджая отнял с ее помощью у демонов их царство; она родила ему сына и дочь.

Однако позже, стремясь стать «законным» царем нового государства, Виджая принужден был подумать и о «законной» супруге: ею стала ца-

⁷ Заметим, что, по понятиям сингальских буддистов, именно женщина несет в себе «заряд» страсти.

⁸ *Йоджана* — древняя индийская мера длины, величина которой колебалась между 7 и 20 км.

⁹ *Татхагата* — «Нашедший Путь» — одно из определений Будды.

¹⁰ Заметим, что совместная еда мужчины и женщины у сингалов в определенном контексте символизирует интимную связь.

ревна из Мадур (Южная Индия), дочь царя Панду (!). Она же привезла с собой и подруг в жены товарищам Виджай.

Рассказ о судьбе Куванни и ее детей мы в данном случае опускаем. Отметим лишь, что, женившись на царевне из Мадур, Виджая забыл проказы юности и правил «благочинно и благополучно» всей Ланкой из своей столицы Тамбапани в течение тридцати восьми лет. Так заканчивается глава VII.

Когда Виджая был уже при смерти, а наследника-сына у него не было, он послал за своим братом Сумиттой, чтобы передать ему власть. Сумитта тогда правил Сихапурой, унаследовав престол своего отца — Львиной Руки, и имел трех сыновей (супругой его была царевна из Мадды-Мадры, что соотносится с современным Мадрасом). Сам Сумитта, будучи старым, на зов брата откликнуться не мог, а отправил к нему младшего сына Пандувасудеву, который и поехал на Ланку с 32 сыновьями министров отца.

Все они прибывают на Ланку (причем в облике странствующих монахов) уже в другом месте — устье реки Махакандары и поселяются не в Тамбапани, а в городе Упатиссагаме, который впоследствии становится столицей царства (т. е. Ланки)¹¹. В жены Пандувасудева получил дочь царя Панду (опять!) с берегов Ганга, по имени Бхаддакаччана, из рода Шакьев (того самого рода, к которому принадлежал и Будда и которому вскоре предстояло погибнуть в войне с царем Косалы Видудабхой). У Бхаддакаччаны было семь старших братьев. Волей судьбы царевна и 32 ее подружки (все одетые, как монахини) также прибыли кораблем на Ланку, причалив в порту Гонагамака, и вскоре попали в Упатиссагаму. Сыграли сразу 33 свадьбы. Хроника подчеркивает благородное происхождение невесты и светлый (золотистый) цвет ее кожи. Пандувасудева царствовал 30 лет.

Царица Бхаддакаччана родила десять сыновей (старшего звали Абхая) и одну дочь — Уммадачитту (или Читту).

С дочерью и связан особенно важный для нас сюжет. Когда девочка родилась, сведущие в древних текстах брахманы предсказали, что ее сын, стремясь достичь господства, погубит братьев матери. Девочку хотели тут же убить, но этому воспрепятствовал ее старший дядя по имени Абхая. Чтобы избежать осуществления предсказания, девочку впоследствии, когда она выросла, заточили в особом домике-столбе¹², в который можно было войти только через спальню отца-царя. При ней поместили служанку, а снаружи ее охраняло сто солдат.

Хроника сообщает, что вслед за Бхаддакаччаной на Ланку прибыли и поселились там несколько ее братьев. Сын одного из них, прослышав о красоте Уммадачитты, вознамерился ее увидеть. Юная царевна из своего окна тоже увидела Гамани (или Дигхагамани, как звали юношу) и заинтересовалась им. С помощью служанки-охранницы состоялось свидание молодых людей, и в дальнейшем он продолжал навещать ее по ночам. Царевна понесла, и когда это открылось родителям, когда выяснилось, что виновник тому Гамани (сын ее дяди по матери), было решено их поженить, так как это не противоречило обычаям. Договорились, что если родится мальчик, известить его. А чтобы никто этому не помешал, заранее уничтожили двух «неблагонадежных» слуг Гамани — пастуха Читту и раба Калавелу, которые после смерти превратились в яккхов и стали опекунами (хранителями) дитяти царевны, когда он был еще в утробе матери.

Уммадачитта к моменту родов предусмотрительно залучила во дворец другую женщину, которая тоже должна была вот-вот родить и, действительно, одновременно с царевной, принесшей сына, произвела на свет дочь. Детей поменяли, братья царевны, узнав, что она родила

¹¹ Вероятно, в этих сюжетных повторах можно увидеть свидетельство многократных, разновременных и различных по направлению миграций предков сингалов из Индии. Ср. также далее историю Бхаддакаччаны.

¹² И в современной обрядовой практике у сингалов девушка, достигшая половой зрелости, на время изолируется от окружающих.

дочь, успокоились. Мальчику же мать и бабушка дали имя Пандукаб-хая — в честь деда Пандувасудевы и дяди Абхан. Хроника сообщает, что когда Пандукабхая родился, дед его как раз умер, а на трон выбрали именно этого дядю (и он правил 20 лет).

Истории жизни Пандукабхай посвящена X глава — «Махавансы». Едва он родился, служанка положила его в корзину и пошла в деревню Дварамандалаку. По дороге ей встретились братья царевны, что охотились в лесу Тумбара, и поинтересовались, что и куда она несет. Служанка ответила, что это печенье для ее дочери, которая живет в Дварамандалаке. Яккхи Читта и Қалавела отвлекли их внимание и тем спасли младенца. Его благополучно поместили в семью пастухов, где только что родился мальчик, и глава семьи объявил, что его жена родила двойню.

Позже, однако, дядья мальчика развели, что он жив-здоров, и пытались его погубить. Первый раз это было, когда мальчику исполнилось семь лет: он купался в пруду с товарищами, и всех их попытались утопить. Один Пандукабхая спасся, спрятавшись в дупле дерева, вход в которое был под водой. Когда ему уже было двенадцать лет, дядья второй раз задумали уничтожить его вместе с пастухами. Но так вышло, что место Пандукабхай случайно занял его «брат-близнец», сын его приемного отца, и Пандукабхая опять избежал гибели.

Когда ему было шестнадцать лет¹³ и дядья вновь узнали, что он здоров, и еще раз решили его уничтожить, мать прислала ему слугу и денег и просила приемного отца отослать мальчика в какое-нибудь безопасное место.

Мальчика отправили на юг в обучение к богатому и ученому брахману по имени Пандула, жившему в деревне Пандулагамака. Принятый с почетом (мудрый брахман предвидел его славную судьбу), Пандукабхая очень быстро обучился всем наукам и, получив на дорогу советы брахмана и обзаведясь с его помощью войском¹⁴, отправился в путь. В хронике не говорится о цели его путешествия, однако из общего смысла истории о Пандукабхае можно понять, что это путь к царскому престолу. И довольно долгий, включивший в себя немало событий и происшествий. В частности, на этом пути Пандукабхая встречает и свою невесту Суваннапали (как «положено», дочь его дяди по матери), от прикосновения которой листья деревьев превращались в золото. Путешествие его имело и несколько «сидений», иногда по несколько лет (2, 4, 7) на одном месте (преимущественно близ гор или на горах, таких, как Қаса, Дола, Дхумараккха, Ариттха). Эти «сидения» чередовались с долгими и упорными сражениями Пандукабхай с дядями (братьями матери), которые постоянно стремились его уничтожить. Один лишь Абхая — старший дядя — был более снисходителен к племяннику и готов был пойти на соглашение с ним, за что навлек на себя гнев своих девяти братьев и лишился трона. В последней, решающей, битве Пандукабхая одержал победу над своими противниками. Восемь его дядей погибли в этой битве, пощадил он лишь отца своей жены Гирикандасиву и старшего дядю Абхаю.

После победы Пандукабхая не отправился, однако, как логично было бы предположить, в Упатиссагаму, а поселился у своего дяди-

¹³ Многие детали последних эпизодов красноречивы по этнографической информации. Обратим внимание, что упоминание возраста, в котором герой подвергается особым гонениям (7, 12, 16 лет), может означать обрядную этапность в социализации индивидуума в обществе сингалских предков. Характерна и гибель «брата-близнеца» Пандукабхай, представляющаяся нам намеком на древнюю близнецную мифологию. Не имея возможности рассмотреть здесь этот сюжет подробно, сошлемся лишь на две работы, в которых содержатся новые интересные наблюдения в связи с ним: *Альбедиль М. Ф., Мисюгин В. М.* Этноисторическая основа сюжета о трех братьях (по материалам древнеиндийского эпоса) // *Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов.* Л., 1984. С. 102—111; *Абрамян Л. А., Демирханян А. Р.* Мифологема близнецов и мировое дерево (к выяснению значения одного класса наскальных изображений древней Армении) // *Историко-филологический журнал* Ереван, 1985. № 4. (111). С. 66—84.

¹⁴ Как и в джатаках, брахману здесь приписывается функция воина.

деда (брата его бабки Бхаддакаччаны) Анурадхи, уступившего ему, как сказано в хронике, «свое жилище». Тут Пандукабхая и основал свою столицу — Анурадхапуру, названную так в честь созвездия Анурадхи и в память того что здесь жили два Анурадхи (упомянутый дядя-дед Пандукабхаи, а ранее — один из спутников Виджайи). Для освящения своей власти над островом он на торжество коронации повелел доставить чхатру («зонт» — символ царской власти), оставшуюся от его дядей. К этому моменту Пандукабхае было уже 37 лет, а период межцарствия (после свергнутого Абхаи) длился 17 лет. Правил Пандукабхая в Анурадхапуре целых семьдесят лет и многое сделал для расширения и благоустройства своей столицы...

Такова история, которую в целом признают достоверной исторической канвой, толкуя лишь самые «экзотические» эпизоды как не совсем адекватное отражение реальной действительности. Так, например, упоминание в рассказе о предках Виджайи деда-лва объясняется бытованием тотемических представлений. Однако, на наш взгляд, легендарны не отдельные эпизоды, а весь изложенный текст, причем, забегая вперед, скажем, что это не означает отрицания его историчности, но дает ей новое качество. И может быть, даже более продуктивное.

Вернемся однако, к истории Пандукабхаи. В целом, несмотря на некоторые своеобразные черты, она вполне укладывается в известный фольклорный сюжет, который был проанализирован В. Я. Проппом в его работе «Эдип в свете фольклора»¹⁵. Хотя сюжет этот «известен в форме сказки, легенды, эпической песни, лирической песни и народной книги», а также «в литературе, имеющей полуфольклорный характер, он известен в форме трагедии, драмы, поэмы, новеллы»¹⁶ (и потому вариации его разнообразны) выделяются несколько важнейших, «опорных» моментов сюжета. Это прежде всего пророчество о рождении ребенка, которому суждено стать убийцей своего кровного родича (отца, дяди), удаление по этой причине родившегося младенца, воспитание его — нередко в семье пастухов и, как правило, среди сверстников, затем уход героя (на своем пути он обычно обретает невесту), и наконец, — исполнение пророчества. Обычно присутствует в том или ином виде мотив кровосмесительного брака.

В целом сюжет этот трактуется В. Я. Проппом как «исконно царский»¹⁷, связанный с вопросом престолонаследия, и сингалский материал подтверждает эту мысль. Причем он, безусловно, отражает ту раннюю стадию общественного развития, когда наследником престола был племянник, сын *сестры* царя, а не его самого, как это получается в собственно «эдиповом» сюжете. При кросскузенном браке, характерном для южного региона Южной Азии, сын ее сестры царя приходится ему одновременно и зятем. Последний способ передачи царской власти жениху дочери подробно исследовался Д. Фрээрером¹⁸, и на этот историко-этнографический анализ сюжета царевубийства также ссылается В. Я. Пропп¹⁹. Оба исследователя вполне обоснованно считают этот способ передачи царской власти более древним, чем от отца — к сыну.

Легенда о Пандукабхае демонстрирует именно эту сюжетную схему: он женится на дочери своего дяди и принимает знак ее родовой царской власти (тот самый «зонт»). Однако эта же легенда свидетельствует и о другой возможности (она же аналог первой) наследования власти — от дяди-деда.

В то же время история передачи власти Виджайи своему племяннику — сыну брата дает образец более позднего сюжетного хода (и более поздних форм престолонаследия): это уже передача власти от отца к

¹⁵ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 258—302.

¹⁶ Там же. С. 260.

¹⁷ Там же. С. 264.

¹⁸ Фрээрер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1980. С. 176—181 и др.

¹⁹ Указ. раб. С. 264—265.

сыну, так как сын брата в данной системе родства тождествен собственному сыну и не годится в жены дочери (из-за ортокузенных отношений). Дополнительное доказательство находим в том, что в хронике отмечена «тоска» Виджая из-за отсутствия собственного сына. (Кстати, и тут усложненный ход: Виджая предлагает власть брату, но тот за немоchoй передает ее своему сыну).

Таким образом, мы обнаруживаем в хронике некоторый «анахронизм», также свидетельствующий в пользу «сочиненности» начальных ее глав.

Рассказ о Пандукабхае в «Махавансе» содержит все важнейшие моменты сюжета, которые мы перечислили выше. Пророчество о том, что он погубит братьев своей матери, звучит при его рождении — оно исходит от ученых брахманов, ведающих будущее. Младенца обменивают (на девочку) и удаляют от матери. Он растет и воспитывается в семье пастухов, о чем, правда, не сказано прямо, но имеются косвенные свидетельства. Так, в описании эпизода вторичного покушения дядьев на жизнь мальчика (когда ему уже 12 лет) встречается фраза: «и тогда приказали они убить всех пастухов» («Мхв», ч. X, с. 13—14)²⁰, т. е., как понятно из контекста, всех мужчин названной деревни. О компании сверстников свидетельствует предыдущий эпизод покушения (на купающихся мальчиков) — когда герою 7 лет. Присутствует, как видно по пересказу легенды, и этап странствий героя (с положенным обретением невесты), и исполнение пророчества. Следует отметить, что мотив кровосмесительного брака в самой легенде о Пандукабхае отсутствует, хотя обнаруживается в ее предистории (брак Львиной Руки с родной сестрой), что также согласуется с нашим представлением о некоторой творческой (литературной) свободе составителей сингальской хроники, сказавшейся в их определенном композиционном «произволе».

И снова нам помогает историко-этнографическое толкование мотивов рассматриваемого нами сюжета, данное В. Я. Проппом. Справедливость его, как нам кажется, в свою очередь подтверждается и самим сингальским материалом. «Как ни странны эти понятия, — писал в свое время Э. Тэйлор о некоторых представлениях человека древности, — надо помнить, что они возникли естественно по определенному умственному закону»²¹. Как ни странны некоторые фольклорные мотивы, перефразируем мы, они действительно возникли естественно и отражают (добавим вслед за В. Я. Проппом) определенную социально-историческую и обрядовую реальность. В отсылке ребенка и воспитании его вдали от родителей можно увидеть «следы обряда посвящения»²², в странствиях героя — этап подготовки к браку²³, а шире — переход героя с одной ступени на другую по лестнице половозрастной социальной классификации в соответствии с определенными нормами родовых отношений. Рассмотрение этих мотивов на материале легенды о Пандукабхае дает четкое представление о традициях кросскузенного брака, наследовании власти через женщину, а также локальности брака не по мужской, а по женской линии. Все это — достаточно архаический комплекс мотивов.

Мотив же кровосмесительного брака в целом отражает социальный факт более высокого (или позднего) порядка. Он «представляет собой мыслительное отражение противоречия между двумя формами наследования власти»²⁴, т. е. отражение той эпохи, когда наследование престола через женщину сменяется наследованием от отца к сыну.

В «Махавансе» такая форма наследования прослеживается начиная с главы XI, с сына Пандукабхай Мутасивы, который правил уже

²⁰ The Mahāvamsa or the Great Chronicle of Ceylon (Transl. into English by W. Geiger. Colombo, 1960 (reprint). P. 69.

²¹ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 69.

²² Пропп В. Я. Указ. раб. С. 274.

²³ Там же. С. 286.

²⁴ Там же. С. 271.

в Анурадхапуре, столице отца (патрилокальность), в течение 60 лет, имел десятерых сыновей и двух дочерей и наследником которого стал его сын, второй по счету,— это и был Деванампия Тисса, начавший эру буддийской государственности сингалов. Так что более архаичные социальные нормы в хронике оказываются как бы в обрамлении более поздних.

Обратим внимание еще на один важный момент: сходство легенды о Пандукабхае с кришнаитской легендой, как она нам известна в сложившемся культе этого особого направления в индуизме. Так, в соответствии, например, с «Бхагавата-пураной», памятником раннего средневековья²⁵, царевне Деваки предсказано при свадьбе, что ее сын (восьмой по счету) принесет гибель ее брату (правда, двоюродному, как сказали бы мы), царю Матхуры Кансе (который был не обычный царевич, а тайный сын демона). Шестерых сыновей Деваки Канса все же погубил, хотя их рождение ничем ему не грозило. Седьмого спасла великая богиня, перенесла плод в чрево другой жены супруга Деваки. Помогла она и при рождении Кришны: отец его беспрепятственно вынес младенца из запертой темницы, принес в селение пастухов и обменял на родившуюся в ту ночь девочку (правда, не простую пастушку, а дочь повелителя пастухов Нанды, правившего в Гокуле, столице своего пастушьего царства). Несколько раз за годы младенчества, детства и отрочества Кришны Канса пытался погубить опасного племянника, посылая на него то демонов, то демонов в разных обликах. Но Кришна всех их побеждал, да еще совершал многочисленные подвиги, показывая необыкновенные ум, храбрость и силу. Сверхчеловеческий подвиг — вода ночные хороводы с бесчисленными пастушками (мотив совершенно новый по сравнению с легендой о Пандукабхае). Кришна практически не расстается со сверстниками-пастухами, а также с седьмым (предыдущим) братом Баладевой (видимо, близнечная модель для этого сюжета уже «устарела»). Наконец, Кришна исполняет и пророчество: он лишает жизни дядю-демона Кансу, еще даже не вступив «в мужской возраст»²⁶ (характерный намек на возрастные переходы). Затем он отдает дань уважения своему дяде-деду (формальному отцу Кансы), возвращая ему престол, прежде узурпированный Кансой; совершив обряд посвящения в «дваждырожденные», отправляется вместе с братом Баладевой на учение к брахману. Потом он путешествует (на дно океана, в страну умерших), возвращается в царство своего двоюродного деда и разделяет с ним власть. Кроме того, он отражает нападение царя Магадхи, возводит неприступную крепость — город Двараку (вспомним градостроительный пыл Пандукабхаи) для защиты от грозных яванов и млеччхов. В конце концов Кришна погубил их царя, разгромил все вражеские рати, перехитрил царя Магадхи и торжествовал победу. И уже после этого он похитил для себя невесту — прекраснейшую из прекрасных женщин Рукмини, царевну Видарбхи, и счастливо зажил со своей любимой супругой в новой столице — Двараке.

В этих легендах много общего. Обращает внимание совпадение семейных имен их главных героев. Кришна является сыном Васудевы (царевича из рода Ядавов), Пандукабхая же приходится внуком Пандувасудеве. Даже и название деревни Дварамандалака, где укрыт был Пандукабхая, перекликается с тем, что дано было новой столице Кришны (Дварака). Оба героя являются прославленными «градостроителями». У Кансы вдруг (почти в конце истории) обнаруживаются восемь родных братьев. Главное же — общая сюжетная канва, совпадающая с тем фольклорным сюжетом, о котором уже сказано. Легенда о Кришне также укладывается в «эдипову» схему, только она, безусловно, пред-

²⁵ Мы сознательно опускаем многие детали легенды, чтобы яснее обнажить ее сюжетную основу.

²⁶ Три великих сказания древней Индии. Лит. изложение Темкина Э. Н. и Эрмана В. Г. М., 1978. С. 353.

ставляет более позднее ее воплощение и имеет отличительные акценты в сравнении с легендой о Пандукабхае. Так, оказывается заметно «стерт» мотив кросскузенного брака; появляются перестановки, несколько нарушающие логическую логику сюжета; момент кровосмесительного брака заменен мезальянсом с демоном (подлинный отец Кансы — ракшас, который обольстил царицу Матхуры, приняв облик ее супруга царя Уграсены). Зато расцвечиваются героические деяния Кришны, подчеркивается его функция божественного любовника, становится в целом более детализированным «жизнеописание» героя и т. д.

На наш взгляд, легенда о Пандукабхае представляет более архаичный вариант легенды о Кришне или, возможно, один из тех источников, которые ее питали. Легенда о Кришне заметно «тяготеет» к западным районам Индии, где кришнаизм и получил особую популярность. На Ланке же он практически не привился, и легенда о Кришне не получила здесь распространения²⁷.

В то же время нельзя не обратить внимания на упорное употребление лексемы «панду», которая встречается в именах Пандувасудевы (по хронике — безусловного выходца из Индии), самого Пандукабхаи, брахмана Пандулы, в названии деревни Пандулагамака и которую индологи склонны «привязывать» к дравидскому югу Индии (ср. пандавов «Махабхараты», дравидскую династию Пандиев, в конце концов и тестя Виджай — царя Панду из Мадур).

Поэтому нам кажется вполне допустимым соединить тот поток миграции из Индии на Ланку, который связан с легендой о Пандукабхае, с западным индийским побережьем, а конкретнее — с тем районом, где уже в давние времена развивался активный процесс взаимного культурного влияния северной и южной индийских культур. В то же время эта легенда имеет, по-видимому, и какие-то глубокие местные корни, что проявляется, в частности, в широком «демоническом контексте», относящемся к истории Пандукабхаи: вспомним хотя бы опекун-демонов, охранявших его в детстве. И в более поздних эпизодах у него неоднократно завязываются особые, часто дружеские отношения с демонами, он веселится с ними, приглашает их на пиры; даже старания Пандукабхаи по благоустройству столицы сводятся, собственно, к тому, что он строит кварталы для яккхов, лобное место и кладбище (которые традиционно считаются местами обитания демонов). В конце X главы «Махавансы» он прямо именуется другом яккхов и бхутов (последние также представляют собой существа демонического характера). Надо отметить, что вера в демонов до сих пор сильна у сингалов, фактически имеющих развитый демонический культ²⁸; происхождение которого относится, вероятно, к глубокому прошлому Ланки²⁹.

Очевидно, что легенда о Пандукабхае носит весьма архаический характер и тем не менее уже отличается многосоставностью, определенной разнородностью составляющих ее элементов: кроме «царского» сюжета и круга демонических представлений в ней можно обнаружить и некоторые другие сюжеты, мотивы, виды и формы древнейших представлений (например, «близнечный» миф, определенный числовой код социальной структуры — видимо, именно так надо рассматривать цифровые выражения возраста героев, времени правления царей и т. п.³⁰) и их отражения. Архаический характер присущ всей легендарной предыстории сингалов (такое название нам кажется более точным для

²⁷ Существует еще джатака, несколько напоминающая легенду о Кришне, но также представляющая этот сюжет весьма своеобразно и архаично. Она заслуживает специального и отдельного рассмотрения. См. № 454 Ghata-Jātaka//The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births/Ed. Cowell E. B. V. IV. Cambr., 1901. P. 50—57.

²⁸ См. Краснодембская Н. Г. Традиционное мировоззрение сингалов. М., 1982.

²⁹ Вспомним, что царством демонов называют Ланку в «Рамаяне», да и в сингальских хрониках утверждается, что до появления на острове Виджай с его спутниками здесь обитали демоны (трактуя: население, поклонявшееся демонам).

³⁰ К этой мысли приводят нас рассуждения и выводы М. Ф. Альбедиль и В. М. Мисюгина (см. вышеуказ. раб.), сделанные на индийском фольклорном материале.

обозначения преданий, связанных с сингальскими царями вплоть до Деванампи Тиссы), как она изложена в «Махавансе».

Рассмотрение других сюжетов и мотивов, в том числе упомянутых, может стать особой задачей, здесь же для них просто не находится места. Однако и из приведенных примеров (в частности о формах престолонаследия) ясно, что эти сюжеты и мотивы выстроены отнюдь не по «хронологическому» порядку. И история Пандукабхаи в общем виде выглядит архаичнее легенды о Виджае.

Таким образом, не приходится говорить о признании этих легенд даже в качестве условной исторической канвы, как и о принятии датировок, приводимых для этого периода. Мы не можем быть убеждены и в том, что «Виджая» существовал раньше «Пандукабхаи», так как, по всей вероятности, имеем дело с определенной фольклорной компиляцией. Поэтому только исторический анализ здесь, на наш взгляд, менее продуктивен, чем фольклорно-этнографический. С помощью же последнего, вероятно, удастся и «углубить» время появления на о-ве Ланка предков сингальского народа, и уточнить район их выхода с материка.